

Ю.В. ЛУНЁВА

ЛОРД ЭДУАРД ГРЕЙ – МАСТЕР АНГЛИЙСКОЙ ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

“На всю Европу опускается тьма, нам уже не увидеть, как она рассеется”, – эта фраза, произнесенная 3 августа 1914 г. британским статс-секретарем и министром иностранных дел лордом Эдуардом Греем, стала крылатой. Грей занимал пост главы Форин оффис в 1905–1916 гг., – переломные для европейской и мировой политики годы, когда в Европе постепенно созревала и разразилась мировая война.

Грей был одним из столпов британской тайной дипломатии, игравшей решающую роль в урегулировании международных конфликтов кануна Первой мировой войны: Боснийского 1908 г., и Агадирских кризисов 1906 и 1911 гг., итало-турецкой войны 1911–1912 г., Балканских войн 1912–1913 гг., противостояния, связанного с германской военной миссией в Турции в 1913–1916 гг.

Ни при одном министре иностранных дел Великобританией не было заключено такого количества секретных договоров и соглашений, как при Грее. Важнейшие из них – англо-русское соглашение 1907 г., военно-морское соглашение с Францией 1912 г., соглашение с Россией о проливах 1915 г., Лондонский тайный договор 1915 г. с Италией, договоры о разделе Малой Азии 1915 г.

У современников, коллег, историков сложились разные, порой противоречивые мнения о Грее¹. Однако все они сходятся в том, что Грей не сделал ни одного лишнего шага и не сказал ни одного лишнего слова за все время руководства дипломатическим ведомством. Он просчитывал и скрупулезно взвешивал каждое слово. Первый лорд адмиралтейства Дж. Фишер считал Грея “самым умным из всех слуг короля”². Германский посол в Лондоне К. Лихновски восхищался “миролюбием, простотой и реалистичным умом Грея”; русский посол граф А.К. Бенкендорф писал, что “не надо торопить и нажимать на Грея – он отличный стратег и сам умело расставит ловушки”³.

Лорд Грей до сих пор остается одной из самых сложных и противоречивых и таинственных фигур на политическом Олимпе Британской империи начала XX в. Британская дипломатия всегда была покрыта флером таинственности. “Вся работа иностранного ведомства была окутана тайной, и лишь некоторые привилегированные министры из тех, которые в прошлом имели касательство к иностранным делам, позволяли себе высказывать мнение по частным вопросам, которые иногда возникали. Парламент еще меньше был осведомлен о внешней политике”, – писал британский государственный деятель Д. Ллойд Джордж⁴.

Лунёва Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ *Лихновски К.* Моя миссия в Лондоне 1912–1914 гг. Воспоминания кн. Лихновского, б. германского посла в Лондоне. Стокгольм, 1918; *Cecil A.* British Foreign Secretaries 1807–1916. London, 1927; *Haldane, viscount of Cloan.* The Man and His Work. London, 1928; *Asquith H.H.* Memories and Reflections, 1852–1927. Boston, 1928; *Pribram A.F.* England and the International Policy of the European Great Powers 1871–1914. Oxford, 1931.

² *Fisher J.* Memories by Admiral of the Fleet Lord Fisher. London – New York, 1919.

³ Международные отношения в эпоху империализма, сер. 3, т. 1. М., 1935, с. 32.

⁴ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары, т. 1. М., 1934, с. 87.

Грей прослыл “загадочной личностью”, “золотой легендой”, “джентльменом без недостатков”. Благодаря знатному происхождению, классическим внешним данным и прекрасным манерам Грей представлял собой образец английского аристократа. Он производил впечатление сильного, молчаливого, порядочного джентльмена. Грей был всегда сдержан, не склонен к спорам, не давал пустых обещаний, был тонким знатоком человеческих характеров и слабостей. Эти качества помогли ему стать блестящим дипломатом и политиком.

Грей был человеком выше среднего роста, атлетического телосложения, с правильными чертами лица; его высокий лоб, волевой подбородок, серо-голубые глаза, в которых отражались ум и спокойное достоинство, производили сильное впечатление на современников. Советский историк В.М. Хвостов рисует портрет Грея как “человека с тонким ртом, благородным римским профилем, аристократическим снобизмом, холодного и бездушного”. Эти качества, как считает В.М. Хвостов, отличали “империалистического хищника” Грея⁵.

Карьера Грея плавно шла по восходящей линии, без взлетов и падений; он не был замешан ни в политических скандалах, ни в финансовых злоупотреблениях, ни в личных интригах. Грей пережил двух своих жен – Дороти и Памелу, но так и не имел детей. Его родовые поместья Фэллодон и Хоуик сгорели во время пожаров.

Обширная личная переписка Грея⁶ не содержит особых откровений и сенсаций; его воспоминания⁷ спокойны и взвешены; дипломатическая переписка и меморандумы⁸ не раскрывают сути его политики; его выступления в парламенте современники считали скучными и невыразительными.

Ключом к пониманию не только политики, но и личности Грея может служить переписка русского посла в Лондоне Бенкендорфа с российским министерством иностранных дел в Санкт-Петербурге. Большинство его писем опубликованы в многотомном издании “Международные отношения эпохи империализма”. Кроме того, к работе привлекались письма Бенкендорфа из личного архива, хранящегося в фондах Государственного архива РФ и Архива внешней политики Российской империи⁹.

Первый биограф Грея Дж.М. Тревел्यान явно льстил своему герою: он писал о мировоззрении Грея, его талантах рыбака и орнитолога, о его религиозности, о любви к поэзии, музыке¹⁰.

Наряду с апологетикой Грея, в британской историографии первой половины XX в. Грея также подвергали критике. Грей и Форин оффис критиковались с разных позиций: были обвинения в некомпетентности, тайной дипломатии и сознательном втягивании Великобритании в Первую мировую войну¹¹. Политик Е.Д. Морель смеялся по поводу того, что Англию изображали “невинным ягненком, который никому и воды не замутил”¹². Морель писал, что главная причина конфликта между Лондоном и Берлином из-за берлино-багдадской железной дороги состояла в том, что Британия охраняла свои стратегические интересы в Персидском заливе. “Мы оказывали сопротивление каждый раз, когда Германия хотела приобрести какую-нибудь колонию. Поделив все ценное в

⁵ История дипломатии, т. 2. М., 1963, с. 781–782.

⁶ Grey of Fallodon. The Public Papers of Viscount Grey of Fallodon. – National Archives of the Great Britain (далее – NAGB), Public Record Office, Foreign Office 800/35-112; Royal Archives. The Papers and Journals of Queen Victoria, King Edward VII.

⁷ *Grey E.* Twenty-Five Years, v. 1–2. London, 1925.

⁸ British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 (далее – BD), v. 3–11. London, 1926–1938.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 184, Посольство в Лондоне, оп. 520; ф. 138, Секретный архив министра; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 1126, оп. 1, д. 2–10.

¹⁰ *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. London, 1933.

¹¹ *Morel E.D.* The Secret History of a Great Betrayal. London, 1923; *Lutz H.* Lord Grey and the World War. New York, 1928; *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934.

¹² *Morel E.D.* Op. cit., p. 85.

мире, кроме Южной Америки, мы милостиво сказали Германии, что все остальное она может взять себе. При данном положении дела можно было бы проявить щедрость к германским империалистам”¹³.

Возобновление интереса к изучению происхождения Первой мировой войны и деятельности британской дипломатии в этой связи пришлось на 1960–1980-е годы, когда произошло открытие фондов британских архивов по истории войны 1914–1918 гг.¹⁴ Британские исследователи З. Стейнер, К. Роббинс, П. Кеннеди и Р. Крамптон на основе новых рассекреченных документов переосмыслили политическое наследие Грея¹⁵. Английский историк К. Вилсон выступил как критик Грея, обвиняя его в чрезмерной зависимости от союзников по мировой войне – России и Франции. Вилсон полагал, что Британия была втянута в мировую войну союзными ей континентальными державами. Военно-стратегические аспекты внешней политики Грея и общей ситуации в Европе рассматриваются в работах С. Уильямсона, Дж. Гуча, Д. Стивенсона, Г. Макинтоша, Э. Мардера. У британской исследовательницы З. Стейнер Грей – ключевая фигура в определении внешнеполитического курса Великобритании. Стейнер оценивает деятельность Грея как пример классической британской дипломатии “старой школы” и считает, что он был “хозяином на своем корабле” до августа 1914 г. Стейнер подводит читателя к мысли, дипломатия Грея была ответом на развитие международной обстановки. Однако Стейнер так и не ответила на вопрос: какую роль сыграл Грей в подготовке Первой мировой войны? Исследователь приходит к выводу, что Англия удерживала мир на континенте до тех пор, пока это было возможно, а в развязывании войны виноваты Германия и ее союзники.

Биограф Грея профессор Йельского университета К. Роббинс подробно осветил биографию Грея и его внешнеполитическую деятельность. Монография Роббинса написана на основе большого фактического материала: частных и официальных писем, документов королевского архива британского министерства иностранных дел. Однако у читателя остается впечатление недосказанности и неопределенности позиции автора в тех главах книги, где говорится о начале Первой мировой войны. Хотя Роббинс подчеркивал, что Грей был “империалистом и с недоверием относился к возрастающей военной мощи Германии”, исследователь оправдывает внешнеполитический курс министра. Историк отмечал, что Грей не отличался особыми талантами, хотя был “прекрасным администратором, очень много и добросовестно работал”¹⁶.

Автобиография Грея, его мемуары, несмотря на их тенденциозность, являются ценными источниками. Воспоминания Грея “25 лет” были опубликованы в Англии 1925 г., переведены на основные европейские языки, однако русского издания этой книги до сих пор нет¹⁷.

¹³ Ibid.

¹⁴ NAGB, Foreign Office, 181/860–181/950; 800/35–112; Public Record Office; Foreign Office, 371/457; 371/461; 371/599; 371/1895; 800/65; 800/72; 800/91; 800/100; 800/143; 800/160; 800/161; 800/164; 800/174; 800/188; 800/241; 800/243; 800/370; 800/374.

¹⁵ Steiner Z.S. The Foreign Office and the Foreign Policy 1898–1914. Cambridge, 1969; Robbis K. Sir Edward Grey. A Biography of Lord Grey of Fallodon. London, 1971; Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism 1866–1914. London, 1982.

¹⁶ Robbis K. Op. cit., p. 82.

¹⁷ Первый том мемуаров Грея, переведенных на русский язык и подготовленных к публикации в издательстве “Соцэгиз”, постигла печальная судьба: в связи с началом Великой Отечественной войны это издание так и не вышло в свет. Во внутренней рецензии на книгу историк А.Л. Борисова писала: «Грей недаром получил прозвище „великого молчальника“. Это он в период июльского кризиса 1914 г., ставя целью развязать войну, ловко путал карты своих противников и партнеров, провоцируя всех и подстрекая каждого в отдельности к войне, создавая ложное впечатление о нейтралитете Англии, храня до последнего момента в тайне истинные агрессивные замыслы британского империализма». Автор яростно критикует внешнюю политику Великобритании: “И в лице Эдуарда Грея перед нами встает не столько индивидуальная, сколько типичная фигура британской дипломатии! Тонкие губы, сомкнутые уста и неизменно ровная, корректная речь – такой портрет дипломата Грея останется в памяти современников, в истории человечества как

Если сравнивать воспоминания британского министра с опубликованными документами¹⁸, то становится очевидно, что в воспоминаниях Грей многое недоговаривал – делал ли он это умышленно или нет – этот вопрос является предметом дискуссии среди специалистов¹⁹.

Отечественные исследователи проявляли мало интереса к Грею – он был в тени таких фигур как Ллойд Джордж и Черчилль. Историк Ю.В. Жданов “разоблачал” империалистическую политику Грея. Жданов считал, что либеральный министр как опытный рыбак поймал Германию в сети и спровоцировал ее на неверные шаги. “Можно на мгновение допустить, что Грей – поклонник рыбной ловли и птиц, страстно желал мира, но Грей – министр вместе с правящими классами своей страны не мог не стремиться к войне. Безусловно, здесь дело не в злой воле одного человека – дипломатия войны вытекала из существования империалистической политики Англии. На долю Грея выпало стать наиболее умным и изобретательным исполнителем этой политики”²⁰. Российский исследователь П.В. Захаров характеризует Грея как “коварного заговорщика войны”, которого сформировала викторианская эпоха и аристократическая среда²¹.

* * *

Эдуард Грей родился 25 апреля 1862 г. в Лондоне в семье потомственных аристократов. Среди его предков были военные и политики, в частности граф Чарльз Грей, британский премьер-министр (1764–1845) и автор парламентской реформы 1832 г. Отец Эдуарда – сэр Чарльз был офицером: сражался в Крымской войне, служил в Индии, участвовал в подавлении восстания сипаев. Вернувшись в Англию, он получил должность при дворе – был главным смотрителем королевских конюшен. Мать Эдуарда – Хариет происходила из старинного, но небогатого дворянского рода. Она родила 7 детей, из которых Эдуард был старшим и самым любимым сыном. “Моя мать была одним из добрейших и нежнейших человеческих существ, – вспоминал Грей”²².

Детство и юность Грея были обычными для отпрыска знатного рода. В 9 лет он поступил в подготовительную школу в Норталлертоне, недалеко от имения Фаллодон, оттуда через 2 года был переведен в частную школу Темпл Гроув. В декабре 1874 г. умер отец нашего героя. Королева Виктория выразила соболезнования семье Чарльза Грея, а ее сын принц Альберт, крестный отец Эдуарда, приехал на похороны придворного. В 12 лет мальчик полностью перешел под опеку деда Джорджа Грея, бывшего депутата парламента. Дед “занял место нашего отца, – вспоминал Грей. – Мой дед был очень религиозным, но его природа была таковой, что он приносил свет везде, где бы он не появлялся, и был необычайно популярен благодаря этому”²³.

В 1876 г. Грей отправился в Оксфорд в пансион при школе в Винчестере, где учебу предпочитал рыбалку. Здесь он освоил новый способ ловли форели на сухую наживку и часами мог наблюдать за мухой-приманкой на голубой водной глади. В итоге в 1883 г.

символ той английской политики двурушничества, обмана и вероломства, которая уже однажды ввергла народные массы всего мира в бездну катастрофы”. – *Борисова А.Л.* Разоблаченная легенда Эдуарда Грея. – Военно-исторический журнал, 1940, № 2, с. 136–143.

¹⁸ British Documents on the Origins of the War.

¹⁹ *Woodward L.* Great Britain and the German Navy. Oxford, 1935; *Jerrald D.* Britain and Europe 1900–1914. London, 1941; *Seton W.R.* Britain in Europe 1789–1914. Cambridge, 1958; *Langharne R.* The collapse of the Concert of Europe. International politics 1890–1914. London, 1981; *Kennedy P.M.* Op. cit.; *Jones R.A.* The British Diplomatic Service, 1815–1914. London, 1983; *Williamson S.R.* The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War. 1904–1914. London, 1990.

²⁰ *Жданов Ю.В.* Деятельность английской дипломатии накануне и в годы Первой мировой войны в современной буржуазной историографии. – Проблемы историографии международных отношений в новое и новейшее время. Саратов, 1990, с. 115–133.

²¹ *Захаров П.В.* Англо-русские дипломатические отношения в период Балканских войн: 1912–1913. Рязань, 2002.

²² *Trevelyan G.M.* Op. cit., p. 7.

²³ *Ibid.*, p. 10.

его отчислили из пансиона за лень. Мать отправила своего любимого сына в колледж в Итон в Оксфорде, где он также учился очень плохо. В результате его оставили на второй год. Через три месяца после отчисления из Итона, он поступил в Бейлиол-колледж – один из самых привилегированных учебных заведений Англии, где молодых людей готовили к государственной службе. На 10 лет раньше Грея этот колледж окончил будущий премьер-министр Британии Г. Асквит. Неизвестно, закончил ли бы Грей этот колледж, если бы не встреча с другом деда викарием прихода Эмблтон М. Крейтоном, который благотворно повлиял на юношу.

Проповеди викария и беседы с ним на религиозные темы, проходившие во время прогулок по живописным местам Северного Умберленда, укрепили веру молодого человека в Бога. Юноша полюбил Библию, знал наизусть псалмы, стал регулярно посещать церковь.

Получив к лету 1884 г. высшее образование в Бейлиол-колледж, Эдуард обратился к своему дальнему родственнику лорду Нортбруку, бывшему в то время вице-королем Индии, а затем – первым лордом адмиралтейства с просьбой предоставить ему протекцию. В возрасте 22 лет Грей стал личным секретарем Э. Бэринга (лорда Кромера), а к осени 1884 г. был принят на должность канцлера казначейства. Работа способствовала установлению личных контактов с политическими и государственными деятелями Англии. В силу фамильных традиций, Грей связал свою судьбу с крупнейшей партией английской буржуазии – либералами. Баллотировавшись от либералов в округе Бервик графства Нортумберленд, Грей на выборах 1885 г. победил и в 23 года стал самым молодым членом парламента.

В октябре 1885 г. Грей женился на Дороти Видринтон. Сближению молодых людей также содействовал Крейтон, хорошо знакомый с консервативной семьей Дороти. В письме Грея к невесте за месяц до свадьбы прослеживается влияние викария на мировоззрение молодого человека. Грей понимал взаимоотношения мужчины и женщины так: “Я верю, что как бы ни был активен мужчина в битве за жизнь, он все время ищет такое место, где он может сохранить свое любящее сердце, свою мягкую и нежную душу. Если этого нет – существует опасность, что он может совсем потерять свое сердце или ранить его в суровой борьбе. Место для своего сердца мужчина находит в женщине, которую он страстно любит; он доверяет ей свою трепетную душу целиком и без остатка”²⁴.

Однако мировоззрение Грея было шире церковных догматов. Он, как и его любимый поэт У. Вордсворд, был сразу и христианином и пантеистом, изучал квакерство и масонство, верил в вечную жизнь и реинкарнацию души.

“В большинстве счастливых браков у мужа и жены некоторые интересы различны, а некоторые одинаковы. В этом заключается мудрость Провидения” – писал Дж. М. Тревельян. Но у Эдварда и Дороти совпадали все вкусы и интересы. Их друзья обычно шутливо говорили, что есть только одно отличие между супругами: Дороти больше любит Мередита, чем Вордсворда, а Эдуард – Вордсворда, чем Мередита²⁵.

Когда в июне 1884 г. Грей вернулся в Фаллодон, он с головой погрузился в чтение книг по философии, политической экономии и социологии. Он читал Теннисона, Вордсворда, Мильтона, Мора, Сили.

В 1904 г. Грей, увлеченный книгой К. Стефен “Основы квакерства”, писал Дороти: “Это естественно молиться в полном безмолвии, когда погружаешься во внутрь самого себя и познаешь свою божественную сущность, без самоуничтожения, но и без гордыни. Я получаю от этого духовную поддержку, дающую мне силу продолжать жить. И это не вопрос веры, а вопрос чувства”²⁶. Еще одним страстным увлечением Грея было наблюдение за жизнью птиц. Он полагал, что только птицы умеют по-настоящему радоваться,

²⁴ Ibid, p. 32–33.

²⁵ Уильям Вордсворд (1770–1850) – английский поэт. Джордж Мередит (1829–1909) – английский писатель.

²⁶ Trevelyan G.M. Op. cit., p. 54.

“что даже человек не может выразить радость жизни так просто и естественно, как жаворонок, взмывающий ввысь в месте со своей песней”²⁷.

Дороти Грей, по воспоминаниям общих друзей и знакомых, была необычной женщиной. “У нее был лучший вид ума – ум сердца”, она всегда говорила то, что думала и была независима в суждениях. Ее красота, совершенство линий, дополнялись отменным здоровьем и физической силой. Дороти была под стать своему мужу. У людей перехватывало дыхание, когда супруги Грей рука об руку входили в залу. Дороти стала активной феминисткой, “либеральной женщиной”, но едва ли можно было бы представить ее в течение 11 лет в роли гостеприимной хозяйки Форин оффис. Леди Грей ненавидела церемонии и дипломатические ритуалы, на дух не переносила чопорных жен политиков.

До августа 1892 г. Грей больше интересовался внутренней политикой и социальными реформами. Однако его дальнейшую судьбу определило решение министра иностранных дел лорда Розбери назначить Грея своим заместителем, ответственным за связи с палатой общин. Грей много времени проводил в беседах с Р. Холденом, военным министром будущего либерального правительства. Холден не только оказал решающее влияние на становление внешнеполитического курса дипломата, но и принимал участие в его судьбе. В 1890 г. Грей писал Холдену: “Твое косвенное влияние на меня будет всегда велико: это станет твоей привилегией, которую невозможно измерить. Без тебя я едва ли смог продержаться в министерстве. Есть и другие люди, на которых ты оказал еще большее влияние. Следует сказать, что Асквит, например, обязан всем лучшим, что у него есть, тебе”²⁸. Холден был большим знатоком немецкой культуры, изучал философию в Гёттингенском университете, считал Германию своим духовным домом, но при этом оставался настоящим англичанином, ставящим превыше всего интересы своей страны. Таким же был и Грей.

В 1885 г. русский царь Александр III во время аудиенции сказал британскому публицисту и загоку России У. Стеду: “Пока Англия, Россия и Германия в согласии – мир будет сохранен”²⁹. Европейские династии представляли собой большой “Европейский дом”. Родственные связи монархов Великобритании, Германии и России должны были стать главной гарантией мира в Европе. В связи с этим стремление Германии извлечь выгоды из англо-русских и англо-французских противоречий произвело неприятное впечатление на Грея и его шефа. В 1896 г. Розбери произнес речь, в которой заявил: “Нам угрожает страшный противник, который теснит нас, также как волны морские теснят неукрепленные песчаные берега. Я говорю о Германии. Торговля Великобритании не перестает уменьшаться, все, что мы теряем, мы теряем из-за Германии”³⁰.

Грей принадлежал к правому крылу либеральной партии, к так называемым “либералам-империалистам”. Эта группа отражала интересы крупного британского капитала – главным образом образом текстильной и судостроительной промышленности. Одним из важных отличий “либерал-империалистов” от консерваторов было отрицательное отношение первых к протекционизму. Что касается внешней политики, то ее представители Грей, Черчилль, Асквит, Холден поддерживали активную колониальную экспансию.

Политическая платформа Грея исключала уступки другим странам за счет колониальных интересов Великобритании. В спорах о том, должна ли Уганда и Восточная Африка стать британскими колониями, Грей активно поддерживал сторонников экспансии, несмотря на то, что Асквит и Холден сомневались в целесообразности захвата этих территорий. Решительной позиции Грей придерживался и в вопросах борьбы за британское господство в бассейне Нила, резко выступая против уступок Франции.

Трудно сказать, когда Грей впервые понял, что Англии рано или поздно придется воевать с Германией. Дипломат отстаивал интересы Великобритании, которая должна

²⁷ Ibid., p. 52.

²⁸ Ibid., p. 58.

²⁹ Русская старина, № 5, 1914, с. 519.

³⁰ Зиновьев Г. Англия и Германия перед первой мировой войной. Пг., 1917, с. 15.

была оставаться лидером в Европе и в мире; он проводил оборонительную политику, выступал за баланс интересов, но осознавал, что большая война неизбежна в силу экспансионистских устремлений Берлина, подкрепленных стремительно растущей промышленной, военной и военно-морской мощью германского рейха.

Несмотря на то, что Грей имел тесные отношения с британскими коммерческими и финансовыми институтами, он был противником политики протекционизма. Как честный государственный муж, он не искал на службе личной выгоды. Грей выступал против преимуществ для британской торговли и инвестиций, хотя и был хорошо осведомлен о том, что британский бизнес поддерживал улучшение англо-германских отношений³¹.

В 1889 г. Англия осуществила несколько больших судостроительных программ, направленных против Франции и России. Британский флот должен был в 2 раза превосходить военно-морские силы Франции и России вместе взятые. Но Грея особенно беспокоило усиление германского военно-морского флота. Германский адмирал М. Гольц 14 июля 1900 г. заявил в рейхстаге, что германский флот в конечном счете “должен быть в состоянии помериться своими силами с морскими силами Британии в домашних водах”. Британия сделала вывод: надо заблаговременно готовиться к грядущей войне за мировую гегемонию. В подготовке к этой войне и заключалась политическая миссия Грея.

Грей не был сторонником политики “блестящей изоляции” Великобритании; он отмечал: “Естественно, я приветствовал улаживание наших трудностей с Францией и Россией. Если бы они не были разрешены, то раньше или позднее они должны были привести к войне с одной или другой страной”³².

Когда в 1895 г. в Англии к власти вновь пришел лидер консерваторов Р. Солсбери, кабинет которого продержался 7 лет, Грей был вынужден уйти в оппозицию. В одном из частных писем, датированном 31 июля 1895 г. Грей сетовал: «Мне пришлось уйти со сцены, умереть естественной политической смертью. С одной стороны, я сожалел о “политическом самоубийстве”, а с другой – предвкушаю свободную жизнь в своем поместье»³³. В эти годы Грей предпринял свое единственное путешествие к берегам Индии в составе королевской комиссии по изучению экономических проблем британских колоний.

С 1898 г. до возвращения в 1905 г. на службу в Форин оффис, Грей состоял директором Северо-Восточной железной дороги. Грею удалось убедить правление железной дороги провести ветку дороги рядом с его родовым имением Фаллодон. Если в начале работы в этой должности он получал 300 фунтов стерлингов, то к 1904 г. – 2 тыс. фунтов стерлингов в год.

Летом 1898 г., путешествуя по Шотландии, Грей писал Дороти из Гленмура: “Погода была ужасно плохой для рыбалки. Прошлой ночью я вышел на балкон, посмотрел на вершину холма и услышал музыку струящейся воды – ручьи и реки были повсюду. Я никогда раньше так ярко не ощущал сущность неживой природы. Теперь я понял, почему Вордсворд особенно сильно любил эту землю, часто гуляя здесь по ночам”³⁴. В письмах Грей много размышлял о единении природы и человека: “Как только я до нитки промок по дороге домой, я стал единым целым с природой. Я не переодевался в тот день. Только когда человек совершенно промок, он может почувствовать дождь так, как его чувствуют деревья. Я стал частью природы”³⁵.

Грей бывал в континентальной Европе, встречался с французскими и немецкими государственными деятелями, улучшал знания иностранных языков. Однако он очень плохо говорил по-французски. «Грей не игнорировал французский язык, как обычно считают. В 1916 г. когда кабинет министров был с визитом в Париже, Грей писал:

³¹ *Ross J. Great Britain and Germany Trade Rivalry 1875–1914. London – New York, 1964, p. 62, 278–279.*

³² *Grey E. Twenty-Five Years, v. 1, p. 57; Robbins K. Op. cit., p. 132.*

³³ *Trevelyan G.M. Op. cit., p. 66.*

³⁴ *Ibid., p. 41.*

³⁵ *Ibid., p. 68.*

“Асквит не хотел, Ллойд Джордж не мог, и мне пришлось говорить по-французски. Во французском языке, я знаю, мой словарный запас ограничен, а грамматика не совершенна; моя грамотность зависит от счастливого шанса, мой акцент ужасен. Но казалось, что за мной стоит кто-то и шепчет мне французские слова. Я был окрылен, когда Ллойд Джордж сказал мне: “Ты знаешь, твой французский был единственным настоящим французским языком, который я мог понять”³⁶.

Грей, особенно в молодости, любил играть в теннис. Атлетическое телосложение, прекрасное здоровье и постоянные тренировки позволяли ему участвовать в королевских соревнованиях по теннису между Оксфордом и Кембриджем. Он побеждал в 1889, 1891, 1895, 1896, 1899 гг. В 1897 г. он проиграл и по этому поводу сказал: “Годы, которые приносят поражения, приносят также и философские размышления о том, что лошадь может быть хорошей в стойле, но сущей клячей – в пути”³⁷. В 1899 г., в свою самую счастливую пору жизни, Грей издал первую книгу. Это был труд по рыбной ловле, который стал настольной книгой английского рыбака³⁸.

Пока Грей приятно проводил время, разразилась англо-бурская война. Война усилила раскол в либеральной партии. Империалистская фракция либералов, к которой принадлежал Грей, в противовес сторонникам буров, поддерживали войну Британии против взбунтовавшихся южноафриканских колоний. В 1902 г. в либеральной партии появился новый орган – совет “либерал-империалистов”, где Грей стал председателем.

Грей не оставался в стороне и от других государственных дел. Выступая в 1902 г. в палате общин, Грей поддержал союзный договор с Японией, имевший антирусскую направленность, но при этом он давал понять, что в условиях быстрого усиления кайзеровской Германии, становившейся главным соперником Великобритании, желательна сближение и с Россией, в частности в Персии³⁹.

В мемуарах Грей подробно останавливается на англо-французских отношениях, доказывая необходимость сближения Лондона и Парижа для борьбы против общего главного врага – Берлина.

Грей одобрил в парламенте англо-французское соглашение 1904 г., в котором он видел основу будущей “Тройственной Антанты”⁴⁰. Этому соглашению Грей дал такую оценку: «В нем не было ничего, кроме желания этих двух наций закончить свои старые споры, устранить причины для новых и сделаться друзьями. Все это было опубликовано, за исключением одного или двух незначительных пунктов, опущенных, как я полагаю, из уважения к чувствительности марокканского султана. Думали ли те, кто заключал это простое и открытое соглашение, направленное к урегулированию текущих разногласий, что оно разовьется в нечто большее, в так называемую “Сердечную Антанту” – в генеральный дипломатический союз без новых обязательств, но с подготовкой на случай германского нападения на Францию»⁴¹.

Заманчивое предложение Грея и Фишера разгромить германский флот рассматривалось во время первого марокканского кризиса в 1905 г., когда Грей писал Холдену: “адмирал Фишер согласен направить свой флот в германскую бухту, но надо серьезно все обдумать и не торопиться. В 1904 г. первый лорд адмиралтейства Гошен произнес речь, в которой говорилось, что британское правительство готово к обсуждению с любой державой вопросов сокращения вооружения на море”⁴².

Помощник Грея Э. Кроу писал об англо-германских отношениях: “Германия обдуманно ведет политику, направленную по существу против интересов Англии. Недалек момент вооруженного столкновения, если только Англия не пожертвует своими инте-

³⁶ Ibid., p. 69.

³⁷ Ibid., p. 44.

³⁸ *Grey E. Fly Fishing*. London, 1899.

³⁹ *Parliamentary Debates*, Ser. IV, v. 1, London, 1902, p. 609–610.

⁴⁰ *Parliamentary Debates*, Ser. IV, v. 4, London, 1904, p. 516–524.

⁴¹ *Grey E. Twenty-Five Years*, p. 110.

⁴² *Trevelyan G.M. Op. cit.*, p. 137.

ресами”⁴³. Позицию Кроу разделял и Грей. Но дело было в том, что Великобритания не желала жертвовать своими интересами. В политике европейских держав на рубеже XIX–XX вв. наблюдался не просто рост национализма – “изменилось идеологическое и политическое значение национализма. Из идеологии национальных движений он превратился в мировую идеологию, обращенную к национальному чувству”⁴⁴.

В то время, когда премьер-министр Великобритании Г. Кемпбелл-Баннерман вместе с радикальным крылом либеральной партии выступал с лозунгами сокращения вооружений, Грей призывал довооружаться в связи с ростом германских вооружений.

Грей выступал за дружбу с США, за верность англо-японскому союзу и англо-французскому “Сердечному согласию” (Антанте), за урегулирование противоречий с Россией. Такая внешнеполитическая программа в полной мере устраивала не только правое крыло либералов и лидеров тори, но и отвечала традиционным представлениям о преемственности внешнеполитического курса Британской империи.

К осени 1905 г. стало ясно, что Грей, в случае победы либералов на предстоящих выборах, войдет в состав нового кабинета в качестве статс-секретаря по иностранным делам. Радикальное крыло либеральной партии надеялось, что Грей будет продолжать традиционную британскую политику баланса сил в Европе. 8 декабря 1905 г. Грей получил портфель министра иностранных дел и статс-секретаря министерства в кабинете Кемпбелл-Баннермана.

С 1906 по 1914 г. рычаги власти в Великобритании находилась не в руках правительства, в котором доминировало левое пацифистское крыло либеральной партии, а у “Комитета имперской обороны”, в который входили крупнейшие банкиры, промышленники и члены правительства: премьер-министр, канцлер казначейства, военный министр, первый лорд адмиралтейства и министр иностранных дел.

Греем был издан циркуляр по Форин оффис, согласно которому вся информация о внешней политике подразделялась на “общую” и “особой важности”. Последняя предназначалась только для лиц, задействованных в принятии решений. Грей так описывает начало своей службы в должности министра и статс-секретаря: “Я открываю глаза, поднимаюсь, начинаю работать и испытываю постоянную грусть от пребывания в кабинете. Я думаю об этом каждое утро, когда я просыпаюсь и чувствую, что так было в школе. Мне очень холодно. Электрический свет неожиданно отключается, и у меня нет ничего кроме двух безмолвного горящих свечей в большой комнате”⁴⁵.

Спокойная, неторопливая манера работать Грея и его характер импонировали подчиненным. Один из них, сэр А. Лоу, рассказывал Тревелиану: “Самой поразительной чертой Грея было благородство его характера: простой, откровенный и сердечный, он покорила меня сразу и стал другом навсегда. Было что-то легкое в его манерах, приятное в его улыбке, что я был всегда рад войти в его кабинет и обсудить с ним дела. Некоторые министры склонны к нетерпимости во взглядах, отличающихся от их собственных. Грей всегда был очень терпим к оппозиции. Он любил слушать и взвешивать аргументы, прежде чем принять решение. Он был светлейшим из умов”⁴⁶.

Хотя Грей слушал всех, кто давал ему советы, он поступал по-своему. Вопреки советам своего помощника А. Никольсона заключить союз с Францией, Грей не спешил оформлять этот союз; он писал: “Я не буду признавать ничего кроме своих собственных писем и официальных бумаг в качестве официальных политических документов”⁴⁷.

Член “Комитета имперской обороны” А. Бальфур однажды охарактеризовал Грея как “странное сочетание старомодного вига и социалиста. Вероятно, что этот гибрид создает идеального либерала”⁴⁸. Грей был большим сторонником суфражистского дви-

⁴³ *Monger G. The End of Isolation British Foreign Policy 1900–1907. London, 1963, p. 315.*

⁴⁴ *Erson R. England 1870–1914. London, 1936, p. 421; Гриффид Л. Национализм. М., 2008.*

⁴⁵ *Trevelyan G.M. Op. cit. p. 103.*

⁴⁶ *Ibid., p. 168.*

⁴⁷ *Ibidem.*

⁴⁸ *Ibid., p. 170.*

жения, модного среди образованных англичанок. Грей был вдохновлен речами Ллойд Джорджа в защиту предоставления женщинам гражданских и политических прав.

Грей активно поддерживал социальные реформы, выступал за создание лучших условий для рабочих. В 1912 г. Грей вместе с Ллойд Джорджем отстаивал права ба-стующих горняков. Ллойд Джордж писал о Грее: “Со мной Грей, он добрый приятный друг, кроме Асквита, только под его руководством я готов работать”⁴⁹. Однако в своих воспоминаниях Ллойд Джордж пишет о Грее иначе: “Грей был неудачник уже благодаря своему темпераменту. Его ум не мог действовать быстро и решительно.... Во всех случаях Грей готов был считать, что педантичный ход по правилам есть всегда правильный ход, что понятия корректности и правоты совпадают”⁵⁰.

В 1906 г. в жизни Грея случилось событие, повлиявшее на всю его дальнейшую судьбу: 4 февраля 1906 г. умерла его горячо любимая жена Дороти. За несколько дней до смерти жены муж писал: “У меня вчера были ужасно трудные переговоры и очень важная работа... Я не знаю, сделал ли я хорошо, но я сделал честно”⁵¹. Но этого письма Дороти так и не успела прочесть: она не справилась с управлением лошадьми, повозка налетела на камни, перевернулась, леди Грей ударилась головой и скоропостижно скончалась. Эта нелепая смерть была роковой. Когда в день свадьбы миссис Крейтон поздравляла миссис Грей и пожелала ей многих лет счастливой жизни, та ответила, что будет счастлива только 20 лет. Ее предчувствия сбылись.

Для Грея это была не только потеря преданной жены и близкого друга, но и потеря половины того мира, в котором они прожили вдвоем с Дороти 20 лет. 4 февраля 1908 г., во вторую годовщину смерти Дороти, Грей писал своей знакомой: «Иногда, когда я брожу по лесу, я вспоминаю и чувствую те вещи, которые Дороти больше всего любила во мне, и ко мне приходят мысли, которые, я знаю, она хотела бы выразить. Если бы я умер, я нашел бы своих друзей в печали. Я чувствую, что сказал бы им в утешение: “Не волнуйтесь, вы тоже умрете”»⁵². Грей писал, что в одиночестве второй половины жизни он жил воспоминаниями о счастье первой ее половины.

После смерти жены Грей с головой ушел в политику. В декабре 1905 г. либеральная партия победила на выборах. В новом кабинете Грей получил портфель министра иностранных дел. Глава Форин оффис сформулировал свои представления о британской внешней политике. С одной стороны, была сделана попытка создать в правительстве настроения в пользу Франции в случае ее войны с Германией: “Если война между Германией и Францией произойдет, нам будет очень трудно оставаться в стороне. Антанга и еще больше – наши ярко выраженные взаимосвязи (государственные, политические, военные, экономические, общественные, взаимные симпатии, выраженные в прессе) создали во Франции убеждение, что мы поддержим ее в этой войне... Я думаю, что выражу общие чувства, если скажу, что мы бы вели себя скверно, бросив Францию в беде. США осудят нас, Россия не захочет заключить с нами соглашение по Средней Азии, Япония повсеместно начнет усиливать свои позиции”⁵³. С другой стороны, на случай, если войны между Францией и Германией удастся избежать, вниманию правительства предлагались ближайшие задачи английской дипломатии: «Для нас открыта дверь для сближения с Россией; перспектива, по крайней мере, указывает на то, что когда Россия восстановится, мы будем с ней в хороших отношениях. Союз между Россией, Францией и нами будет абсолютной гарантией безопасности. Если будет необходимость “проверить” Германию, это будет впоследствии сделано. Настоящий момент является наименее благоприятным для такой “проверки”. Не будет грубой ошибкой, если в случае ссоры Германии с Францией или с нами, мы предоставим Германии повод для нападения, который она сочтет удобным»⁵⁴.

⁴⁹ Ibid., p. 176.

⁵⁰ Ллойд Джордж Д. Указ., соч., с. 88.

⁵¹ Trevelyan G.M. Op. cit., p. 130.

⁵² Ibid., p. 152.

⁵³ BD, v. 3, № 299, E. Grey. Memorandum, 20.II.1906, p. 266–267.

⁵⁴ Ibid., p. 267.

В декабре 1906 г. Грей дал оценку своей политике в конфиденциальном письме президенту США Т. Рузвельту: “Наша политика не антигерманская, но она должна быть независима от Германии. Мы желали бы сохранения и укрепления отношений с мирной Францией. Наши дружественные отношения с Италией и Испанией обеспечат нам спокойствие среди 4-х западных держав. Мы хотим уладить отношения с Россией. Если Франция вступит в соглашение с Германией, то Германия станет доминирующей на континенте. Тогда рано или поздно будет война между нами и Германией, в которую будут вовлечены остальные державы”⁵⁵.

Австро-Венгрия для Грея не представляла особого интереса, ее политику он считал несамостоятельной; Японии же он не доверял, несмотря на союз с ней. Весной 1906 г. Грей начал медленно и осторожно улучшать отношения с Россией, испорченные в связи с русско-японской войной. Англо-русские противоречия в Средней Азии и на Ближнем Востоке было серьезным препятствием на пути сближения Лондона и Санкт-Петербурга. Британский министр понимал, что России необходимо было сделать такое предложение, от которого она не смогла бы отказаться. Гардинг напомнил Грею, что во время встречи Николая II и Солсбери в Бальморале в 1896 г., британская сторона предложила в обмен на разделение сфер влияния в Азии пересмотреть режим Черноморских проливов в благоприятном для России смысле.

В инструкции Никольсону, посланной в ноябре 1906 г. по поводу английского проекта соглашения по Ирану, Грей указывал, что, поскольку столкновения между Великобританией и Россией на Ближнем Востоке были главной причиной длительных англо-русских трений, то соглашение с Россией будет прочным в том случае, если в него будет включен вопрос о Проливах. Грей признавал возможными некоторые изменения в режиме Дарданелл в желательном для России направлении: “Если Россия поставит вопрос об изменении режима Проливов, то мы должны будем его обсудить”⁵⁶.

В мемуарах Грея сознательно замалчивается этот важный факт, который был ключевым в англо-русских отношениях. Россия в обмен на Проливы согласилась признать Афганистан вне сферы своего влияния. Больше года между державами шли напряженные переговоры по колониальным вопросам. 31 августа 1907 г. была заключена англо-русская конвенция относительно Персии, Афганистана и Тибета. Согласно конвенции, Персия была разделена на три зоны: русскую (северную и наибольшую по площади), нейтральную (к которой относилась часть побережья Персидского залива) и британскую (южную, прикрывавшую подступы к Индии). Афганистан оставался вне сферы влияния России, а в Тибете стороны признавали сюзеренные права Китая над ним и сохранение существующего порядка внешних сношений Тибета.

В британском обществе не было согласия по вопросу сближения с Россией. Поэтому Грею в 1907 г. пришлось заключить соглашение с Россией, минуя парламент: документ был оформлен как техническое соглашение и не требовал обязательного парламентского одобрения. Это был крайне рискованно: общественное мнение Британии было проигнорировано. В течение последующих 7 лет Грею приходилось оправдываться за этот шаг.

В 1907 г. в Гааге состоялась 2-я мирная конференция, на которой Британия собиралась выступить с предложением об ограничении вооружений. Этот вопрос Грей выносил на обсуждение в парламент. В лондонских газетах высказывалось мнение, что на конференции следовало бы затронуть не только проблему сокращения морских, но и сухопутных вооружений. Грей рассуждал так: “Военно-морское могущество России надолго ослаблено поражением в войне с Японией; с Францией имеется Сердечное согласие; остается – Германия. Поэтому на Гаагской конференции следует попытаться положить предел морским приготовлениям Германии – ныне главной сопернице Англии. Одно из двух: или Германия согласится, или не согласится на предложение по

⁵⁵ *Trevelyan G.M.* Op. cit., p. 160.

⁵⁶ *BD*, v. 4, p. 513–515; *Nicolson H.* Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. London, 1930, p. 243.

ограничению вооружений. Отказ Германии откроет ее карты и воочию покажет Англии, что Германия готовит свой флот против Англии”⁵⁷. Тогда и Англия активизировала бы свои морские вооружения. Гагская конференция стала бы зондажом политических намерений Германии.

Летом 1908 г. король Эдуард VII, отложив визит в Германию к своему племяннику Вильгельму II, отправился в Ревель на свидание с другим своим родственником – царем Николаем II. Встреча императоров не только закрепила англо-русское соглашение, но и вызвала крайнее недовольство Германии.

Во время Боснийского кризиса осенью 1908 г., связанного с присоединением к Австро-Венгрии турецких провинций Босния и Герцеговина, Грей играл роль “независимого арбитра”. В течение недельного пребывания в британской столице (9–16 октября 1908 г.) министр иностранных дел России А.П. Извольский вел с Греем напряженные переговоры о пересмотре режима Проливов в благоприятном для России смысле⁵⁸. Этим переговорам в Лондоне придавали настолько серьезное значение, что они неоднократно обсуждались кабинетом; их содержание регулярно докладывалось Эдуарду VII.

Излагая подробно ход переговоров, Грей информировал парламент, что, по утверждению российского министра, отрицательное решение вопроса приведет к весьма серьезным последствиям: “Извольский заявил, что настоящий момент является наиболее критическим – он может укрепить и усилить добрые отношения между Англией и Россией, или разорвать их совершенно”⁵⁹. По словам Грея, собственное положение Извольского поставлено на карту, так как он всецело связан с политикой установления доброго согласия с Англией, которую он защищает против всех противников. После длительного и весьма бурного обсуждения проблемы Проливов, кабинет не смог принять единодушного решения. По мнению Грея, независимо от сути русских претензий, для постановки вопроса о Проливах момент в связи с событиями в Турции был крайне неподходящим. В итоге большинством голосов депутатов предложение Извольского было отклонено. На просьбу Извольского открыть Черноморские проливы для прохода русских военных кораблей, Грей ответил решительным отказом. Грей всегда сам принимал решение, а последующие бурные обсуждения происходили для получения поддержки парламентариев и общественного мнения.

В 1909 г. в ответ на усиление военно-морского флота Германии, в Англии началась шумная пропагандистская кампания за усиление военно-морской мощи. Консерватор Дж. Гарвин развернул в журнале “Обсервер” агитацию в поддержку строительства 8 dreadnoughts – на 2 больше, чем требовало адмиралтейство.

Агадирский кризис – третий по счету из-за Марокко – крайне обострил международное положение. 23 августа 1911 г. кабинет министров, без доведения до сведения “Комитета имперской обороны”, на секретном заседании обсудил британскую стратегию в случае войны с Германией. Комитет собирался в ограниченном составе: Грей, Асквит, Холден, а также Черчилль и Ллойд Джордж. Было принято решение об оказании военной помощи Франции. Но скрыть это решение от “Комитета имперской обороны” не удалось. Кабинет министров постановил (15 голосами против 5) ограничить британскую стратегию решением задач по предотвращению иностранной военной или военно-морской интервенции⁶⁰.

В Агадирском кризисе Англия сыграла двойственную роль: с одной стороны она стремилась столкнуть Францию с Германией, создавая в Берлине впечатление, что Лондон не будет вмешиваться в разрешение марокканского вопроса, с другой – пыталась выявить агрессивные планы Германии в отношении Франции, чтобы в впоследствии выступить в ее защиту. “Меня впоследствии обвиняли в том, – писал Грей 25 июля 1911 г. английскому послу в Берлине сэру Гошену, – что я был больше французом, чем

⁵⁷ АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1179, л. 117–120.

⁵⁸ BD, v. 5, E. Grey to E. Goschen, 5.X.1908, p. 391.

⁵⁹ Grey E. Twenty-Five Years, p. 269.

⁶⁰ Steiner Z. The Foreign Office and the Foreign Policy, p. 127.

сами французы, и что я преувеличивал проблему. Это было вызвано моим замечанием Меттерниху (австрийскому послу в Лондоне. – Ю.Л.), что слишком большие требования Германии в отношении французского Конго превосходили то, на что Франция могла согласиться. Предполагали, что я подстрекаю Францию к сопротивлению”⁶¹.

Как отмечал Бенкендорф, Британия внушила Германии, что “Англия останется равнодушной, что Франция изолирована и что положение благоприятно для нападения”. Однако Лондон изменил своему “равнодушию”, заняв резко отрицательную позицию в отношении Германии. Грей серьезно воспринял Агадирский кризис. Он считал, что если в это время не вспыхнула война, то только по той причине, что “германский флот не был так силен, как в 1914 г.”⁶²

19 сентября 1911 г. Грей, размышляя об отношении Великобритании к итало-турецкому конфликту, писал Никольсону: “Будет неприятно, если Италия продолжит агрессивную политику, а Турция обратится за помощью к нам. Если турки сделают это, их следует отослать к Германии и Австрии как союзникам Италии. Что особенно важно, ни мы, ни Франция не должны выступать теперь против Италии. Я обещал Имперiali (послу Италии в Англии – Ю.Л.), что если с Италией в Триполи Турция будет обращаться не так, как с другими державами, то я буду объяснять любое действие Италии как ответ на провокацию турок”⁶³.

29 сентября 1911 г., в день начала итало-турецкой войны британский министр иностранных дел советовал Имперiali всего лишь “ограничить последствия своих действий”. Посол попросил уточнить эту мысль. Ответ был еще более туманным: предлагались действия “максимально ограниченные”. Имперiali спросил Грея напрямую: вмешается ли Англия дипломатическим путем в случае войны? На это был дан ясный ответ: “нет”⁶⁴. С началом войны Грей успел позаботиться и о согласованных действиях своих союзников. 30 сентября 1911 г. Франции было сообщено о нейтралитете Англии в итало-турецкой войне. Многократные обращения турецкого посла с просьбой о посредничестве Грей игнорировал, отвечая, что Италия из Триполитании (Ливии. – Ю.Л.) не уйдет и что переговоры можно вести только на основе компенсаций.

27 ноября 1911 г., выступая в парламенте с докладом по внешней политике, Грей отметил, что дружба Британии с Францией и Россией была уже сама по себе гарантией того, что никто из союзников не поддастся на провокационную или агрессивную политику Германии.

Несмотря на согласованные действия с Францией и Россией, британское правительство считало момент для русско-турецкого сближения и открытия Черноморских проливов для военных кораблей России неблагоприятным. В письме Бенкендорфа и.о.министра иностранных дел России А.А. Нератову констатировалось, что “от английского правительства всегда бывает весьма трудно добиться принципиального обязательства в отношении событий будущего”⁶⁵. Грей ссылаясь на недовольство английской общественности политикой России в Турции, им же самим инициированное через лондонскую прессу, которая обвиняла Грея в “попустительстве” России в ближневосточных делах.

Либеральный журналист, издатель “Вестминстерской газеты” (печатного органа парламента) Дж. Спендер говорил, что он не мог припомнить ни одного случая, когда Грей заставлял его написать заказную статью. Всегда любезный и вежливый с журналистами, Грей относился равнодушно к тому, что о нем скажут⁶⁶. Однако стоило журналистам написать что-либо противоречащее взглядам Грея, двери Форин оффис для

⁶¹ BD, v. 11 (I), E. Grey to E. Goshen, 25.VII.1911, p. 211.

⁶² *Grey E. Twenty-Five Years*, p. 240; *Steiner Z., Neilson K. Britain and the Origing of the First World War*. London, 2003, p. 45, 63.

⁶³ BD, v. 9 (I), № 231, p. 274.

⁶⁴ *Ibid.*, № 250, Grey to Rodd 29.IX.1911, p. 284.

⁶⁵ АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 707/756; Машинописные копии и переводы писем Бенкендорфа за 1909–1914 гг. Бенкендорф – Нератову, 14(27) сентября 1911 г., л. 91.

⁶⁶ *Trevelyan G.M. Op. cit.*, p. 201.

них сразу закрывались. В оценке событий, приведших к развязыванию Первой мировой войны, нельзя забывать, что английские дипломаты никогда не стремились сообщить общественности правду о предвоенном кризисе: в этом интересы Форин оффис и прессы не совпадали.

Время от времени между Лондоном и Берлином происходили переговоры, касавшиеся подчас весьма важных вопросов, следовали взаимные визиты представителей царствующих династий, министров, парламентариев, журналистов. С внешней точки зрения англо-германские отношения перед войной выглядели нормально. Историк Р.Дж. Кремптон отмечал: “Обе стороны в это время активно готовили войну, при этом и обе стремились дезориентировать противника, внушить друг другу ложное чувство спокойствия”⁶⁷.

Демонстрацией “миролюбия” Великобритании стала поездка военного министра Р. Холдена в Берлин в 1912 г. Целью визита было добиться сокращения военно-морской программы Германии. За это Англия обещала Германии удовлетворить ее широкие колониальные претензии в Африке, а также гарантировать свой нейтралитет в случае, если Германия окажется жертвой нападения. Соглашение с Берлином, по словам Грея, “означало бы для Германии отказ от претензии на гегемонию в Европе”. 22 мая 1912 г. военный агент России в Великобритании полковник Голиевский сообщал из Лондона, что поездка военного министра лорда Холдена в Берлин сводилась к следующему: “Если Англия тактично воздержится от вмешательства в европейские дела, она избегнет гнева Германии. Теперешнее английское правительство, подавленное внутренними проблемами, в ближайшем будущем будет стремиться к сохранению мира во что бы то ни стало”⁶⁸.

С весны 1912 г. взрывоопасный характер приобрела обстановка на Балканах. С одной стороны, в Македонии продолжало нарастать освободительное движение против Турции, вызванное нежеланием Порты пойти на обещанные реформы. С другой, — ослабление Порты, терпевшей поражение в войне с Италией, позволяло союзникам по балканскому блоку считать момент исключительно благоприятным для освободительной войны.

В разгар Первой балканской войны Бенкендорф задал Грею вопрос, что будет делать Англия, если Россия окажется втянутой в войну с Центральными державами. В ответ Грей выдвинул два условия вступления Британии в войну: во-первых, если в результате спровоцированного противником Франции выступления война станет всеобщей; во-вторых, если ответственность за агрессию со всей очевидностью ляжет на врагов.

Проводя двойственную политику, британское правительство дезинформировало общественное мнение. Так, 18 ноября 1912 г. на вопрос, заданный в палате общин о положении в Константинополе и о британских действиях в этом регионе, Грей ответил, что нет никаких оснований утверждать, что британское правительство обещало что-либо болгарам. Движение же флота к Проливам вызвано якобы действиями других держав. Это было сказано в то время, когда тот же Грей сообщил, что, по мнению британского правительства, Болгария имеет право занять Константинополь. Отвечая затем на вопросы депутата Морреля, Грей подчеркнул, что британские корабли посланы к Проливам для защиты своих подданных и торговых судов.

Тем временем Париж и Лондон в большой тайне разрабатывали военную конвенцию. 5 декабря 1912 г. Извольский писал Сазонову, что “между французским и английским генеральными штабами не только не прекратилось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения в самое последнее время получили еще большее развитие, так что, в настоящую минуту, англо-

⁶⁷ *Crampton R.J. The Hollow Dittent: Anglo-German Relations in Balkans 1911–1914. London, 1979, p. 85.*

⁶⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 7255, Копия рапорта военного агента в Великобритании в отдел генерал-квартирмейстера Генштаба, л. 91–92.

французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франко-русская конвенция”⁶⁹.

Накануне Первой балканской войны Грей встречался с Сазоновым. Во всеподданнейшем докладе Николаю II Сазонов писал: “Пользуясь этою благоприятною обстановкою, я счел полезным в одной из моих бесед с Греем, между прочим, осведомиться о том, чего бы мы могли ждать от Англии в случае вооруженного столкновения с Германией”. Российский министр осторожно поинтересовался: “не может ли Англия, в свою очередь, оказать нам услугу на севере, оттянув германские эскадры от нашего побережья Балтийского моря”. Грей не колеблясь ответил, что, если бы наступили предсказываемые обстоятельства, Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу. “Коснувшись этого же вопроса в одном из разговоров со мною, – докладывал Сазонов, – король высказался еще более решительно, чем его министр, и с видимым раздражением упомянул о стремлении Германии сравняться с Великобританией в отношении морских сил, Его Величество воскликнул, что, в случае столкновения, последнее должно иметь роковые последствия не только для германского военного флота, но и для немецкой морской торговли, ибо англичане пустят ко дну всякое немецкое торговое судно, которое попадется им в руки”⁷⁰.

В мемуарах, рассказывая о Балканских войнах, Грей подробно останавливался на Лондонской конференции, длившейся более девяти месяцев (декабрь 1912 г. – август 1913 г.), где за круглым столом послы Англии, Франции, России, Австро-Венгрии, Германии и Италии пытались установить порядок на Балканах. “Мы сидели на пороховом погребе”, – писал Грей, характеризуя международную обстановку. Он подчеркивал “миротворческие” цели, преследуемые участниками этой конференции и в особенности Англией, якобы сыгравшей огромную роль для предотвращения войны. “Когда пришел кризис 1914 г., было сделано предложение урегулировать его таким же образом, как в 1912 г., но оно было безоговорочно отклонено Германией”, – отмечал Грей⁷¹.

Итоги Балканских войн были далеко не в пользу прочного мира не только на Балканах, но и во всей Европе. Между тем правящие круги Британии хорошо осознавали угрозу, скрывавшуюся в Бухарестском договоре, которым закончилась Вторая балканская война. Грей писал: “Никакой мир не возможен на Балканах, пока остается в силе Бухарестский договор”⁷².

В конце 1913 г. в Европе возник новый конфликт, связанный с посылкой в Константинополь германской военной миссии во главе с генералом О. Лиманом фон Сандерсом. Отношение Британии к этой проблеме отражено в письме Бенкендорфа Сазонову: “В Берлине прекрасно знают, что Франция, которая, кажется, всегда готова сражаться с Германией, пойдет с нами. Они хорошо знают мнение Грея, и какое значение придают этому вопросу в Англии. Я думаю, что этого совершенно достаточно, чтобы заставить их задуматься, потому что с их стороны было бы величайшей самонадеянностью воображать, что в случае всеобщей войны Англия не была бы мало-помалу втянута в нее”⁷³.

Стремление Грея смягчить позицию трех держав в отношении германской военной миссии побудило Сазонова в телеграмме российскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу от 12 декабря 1913 г. констатировать отсутствие прочного единства между Лондоном и Санкт-Петербургом, что “является органическим пороком Тройственного

⁶⁹ Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего императорского российского МИД, т. 1. М.; Л., 1925, с. 41.

⁷⁰ Доклады б. министра ин. дел С.Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. – Красный архив, т. 3, 1923, с. 17, 18.

⁷¹ *Grey E. Twenty-Five Years*, p. 256.

⁷² *Gibbons H.A. The New Map of Europe*. New York, 1926, p. 343; *Douglas J. Britain and Europe 1900–1914*. London, 1941, p. 43.

⁷³ Международные отношения в эпоху империализма, посол в Лондоне – министру иностранных дел, 15(28) января 1914 г., с. 141.

согласия”, который всегда будет ставить их “в невыгодное положение в отношении крепкого блока Тройственного союза”⁷⁴.

Россия была не готова к большой войне. Британские правящие круги хорошо знали, что уклончивая позиция Лондона в вопросе о германской военной миссии произвела в России негативное впечатление. Желая сгладить его, английские дипломаты всячески пытались убедить Санкт-Петербург в своей искренней поддержке, а также в том, что Лондон сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить России приемлемое урегулирование этого вопроса⁷⁵.

В действительности Лондон вел двойную игру. “Грей старался доказать, что Тройственное согласие и Тройственный союз могут мирно сосуществовать”⁷⁶: он использовал ситуацию для того, чтобы укрепить у германских правящих кругов впечатление о возможности нейтралитета Англии в будущей войне и сорвать русские планы в Турции, особенно в отношении Константинополя и Проливов. Британское правительство всячески побуждало Россию действовать более решительно, намекая на свою поддержку.

1914 г., обернувшийся трагедией для всего мира, начался спокойно. В апреле 1914 г. состоялся торжественный визит английского короля в Париж, предпринятый для демонстрации укрепления Антанты. Российская дипломатия представляла свое объединение с Францией и Англией как оборонительный союз, защищавший Антанту от постоянной опасности, вызываемой агрессивными действиями Австро-Венгрии и захватническими устремлениями пангерманизма. Однако Великобритания, со свойственным ей предубеждением против европейских союзов, не стремилась к открытому военному союзу с Францией и Россией.

Грей, поддерживая доверительные отношения с российским и французским послами в Лондоне, обменивался с ними мнениями о союзе. Британский министр, рассуждая об общественном мнении Британии, заявлял, что всякое предложение о союзе с Россией, бесспорно, вызвало бы роспуск либерального правительства. Грей хотел оставаться в добрых, но независимых отношениях с Россией и, без сомнения, был готов оказать помощь Франции, если бы последняя подверглась нападению со стороны Германии.

“Что касается вашего мнения относительно Грея, – писал в феврале 1914 г. Бенкендорф Сазонову, – то позвольте не согласиться с вашим мнением. Его постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, – это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле... Он не любит... угрожать, если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевидным образом не поставит себя в положение явно виноватого, что необходимо для английского общественного мнения... Он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку Тройственному союзу”⁷⁷.

5 марта 1914 г. Грей произнес в палате общин большую речь по вопросам внешней политики. Он выдвинул на первый план утверждение, что наличие Тройственного согласия во многом способствовало сохранению европейского мира в течение двух последних тревожных лет. Министр подчеркнул, что в будущем Англия намерена всячески поддерживать и охранять основы Тройственного согласия как наилучшего мирного фактора в современной международной политике⁷⁸.

Царь предложил британскому послу в Санкт-Петербурге Бьюкенену заключить договор вроде того, который существует между Англией и Францией и добавил, что

⁷⁴ *Туполев Б.М.* Происхождение Первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 2002, № 5, с. 46.

⁷⁵ *BD*, v. 10(I), Sir G. Buchanan to Sir Edward Grey, 8.I.1914, p. 416.

⁷⁶ *Мировые войны XX века*, в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война. М., 2005, с. 67.

⁷⁷ *Международные отношения в эпоху империализма*, Бенкендорф – Сазонову, 12.II.1914 г., с. 18.

⁷⁸ *Известия министерства иностранных дел*, кн. III. Пг., 1914, с. 177; *BD*, v. 10(II), Sir G. Buchanan to Sir A. Nicolson, 5.III.1914, p. 775; *Steiner Z.* The Foreign Office and the Foreign Policy, p. 153.

можно было бы с успехом организовать сотрудничество британского и русского флотов. Бьюкенен не скрыл, что союз вряд ли приемлем для его правительства, чем очень разочаровал Николая II. “Если сент-джемский кабинет отклоняет политику, которую он, Император Всероссийский, так твердо предлагает, – заявил Николай, – то само существование Тройственного согласия вызывает у него сомнения”⁷⁹. В конце письма Бьюкенена Грею с отчетом о беседе с царем, Грей сделал очень важную приписку: “если Франция согласится, мы можем позволить русским знать, что происходило между нашими военными и морскими властями, но нам было бы лучше как можно дольше откладывать обсуждение этого вопроса”⁸⁰.

Грей подробно описывал историю секретных англо-русских переговоров о заключении морской конвенции (эти переговоры были сорваны в результате их разоблачения Берлином). Грей категорически настаивал на том, что ни о какой конвенции речи не было, что Англия согласилась на переговоры лишь под давлением Франции, не желая оскорбить Россию. “Это даже могло создать у нее (у России. – *Ю.Л.*) впечатление, – пишет Грей, – что после того, как мы вступили в военные переговоры с Францией, мы решили отказаться от участия в войне. Такое впечатление могло иметь непредвиденные последствия... С другой стороны, было бы нелепо брать на себя обязательства по отношению к России, в которых мы отказали Франции. Как и раньше, было бы совершенно невозможно дать какое-либо обещание, что Великобритания примет участие в континентальной войне... На этой основе мы согласились на переговоры между британскими и русскими властями, как это просили французы... Но ни эти, ни предыдущие подобные консультации между британскими и французскими военными или морскими властями так и не привели к конвенции или политическому соглашению, которые влекли бы за собой какие-либо обязательства со стороны правительства”⁸¹.

Дипломатический маневр Грея состоял в том, чтобы попытаться пройти между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, Британия будто бы никогда не брала на себя обязательств выступить на стороне Франции и России в случае войны с Германией и ее союзниками, а с другой – Англия не хотела создавать впечатления у своих союзников, что она решила отказаться от участия в войне. Грей буквально до последнего момента не раскрывал до конца настоящей позиции Лондона. С целью подстрекнуть Германию к войне, он нарочно создавал в Берлине впечатление о нейтралитете Англии. В то же время, желая ускорить перерастание австро-сербского конфликта в общеевропейскую войну, Грей подталкивал Россию и Францию к войне против Германии, не переставая создавать в Санкт-Петербурге и Париже уверенность в военной поддержке Лондона.

Пожалуй, единственным из зарубежных дипломатов, распознавшим сущность политики Грея в июльские дни 1914 г., был Бенкендорф. Русский посол прекрасно понимал всю сложность положения, в котором находились английские “либерал-империалисты” и в частности Грей, подстрекавший своих союзников к войне, но боявшийся общественного мнения Англии, настроенного против войны.

Зная настроения коллег по кабинету, Грей до августа 1914 г. не решался окончательно встать на сторону Франции и России. Грей рядился в тогу миротворца. В конце июля 1914 г. он рассуждал о том, что Британии, возможно, стоит остаться в стороне от военного конфликта, так как это единственное средство предотвращения полного коллапса европейского кредита и тотального краха мировой торговли. “Экономический пацифизм” Грея проявился в беседе с французским послом Камбону, которому он сказал, что в настоящее время Британия не может дать каких-либо обязательств Франции. “Коммерческая и финансовая ситуация крайне серьезна: есть опасность полного экономического обвала, который приведет нас и всех остальных к краху; и возможно, наше невмешательство станет единственным средством предотвращения полного обвала

⁷⁹ BD, v. 10(II), Sir G. Buchanan to Sir E. Grey, 3.IV.1914, p. 780.

⁸⁰ Ibid., p. 783.

⁸¹ *Grey E. Twenty-Five Years*, p. 288.

европейского кредита, в который мы все будем вовлечены. Это главный мотив в определении нашей позиции”⁸². Осведомленность Берлина о британской позиции давала возможность политическому и военному руководству Германии надеяться на то, что Лондон, возможно, останется в стороне от конфликта⁸³.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. В полдень 3 августа 1914 г. Грей обратился к нации. Он убеждал англичан, что для предотвращения войны было сделано все возможное. На следующий день Грей выступил в парламенте. В воспоминаниях он писал, что от него уже ничего не зависело – ни победа, ни поражение – все было фатально. Эта речь считается образцом дипломатической риторики. Грей говорил о необходимости защиты средиземноморского торгового пути. Он прочитал декларацию о поддержке Франции и просил палату ее одобрить. Депутаты встретили декларацию единодушным одобрением. Вопросом, непосредственно затрагивающим достоинство и жизненные интересы Англии, был нейтралитет. Грей сообщил палате, что он запросил французское и германское правительства, будут ли они уважать нейтралитет Бельгии. Германия отказалась дать прямой ответ. Грей прочитал палате телеграмму от бельгийского короля с просьбой о помощи, присланную на имя британского монарха. Грей заявил, что сохранение нейтралитета Британии в сложившейся ситуации будет равно ее политической изоляции, покушению на ее достоинство и станет роковым для ее жизненных интересов.

Точный комментарий к речи Грея дал Бенкендорф. Чтобы понять Грея, писал русский посол, необходимо вспомнить, что Грей, уверенный в востуме консерваторов, должен был стремиться получить голоса либералов, или, по крайней мере, добиться того, чтобы они прекратили активную оппозицию. Грей “располагал одним только средством занять позицию наиболее беспристрастную, воздержаться от суждения ответственности за войну, и держаться на почве достоинств и интересов Англии. Он не произносил слова Европейское равновесие, о которых радикальная партия и слышать не желает. Он воздержался говорить об интересах России и обрисовал результаты германской победы. В войну Англия должна вступить не в силу обстоятельств, а в силу занимаемого ею в мире положения”⁸⁴.

Вовлекая свою страну в войну с Германией, Грей продолжал быть ценителем великой немецкой культуры. “Я люблю музыку Генделя и она делает меня лучше. Европа в самой ужасной беде, которую когда-либо знала цивилизация, и никто не может сказать, что будет в конце. Но музыка Генделя выживет”, – писал Грей⁸⁵.

Грей сказал Бенкендорфу, что Лондон и Санкт-Петербург стали фактическими союзниками против общего врага, что Россия и Англия оказались вынужденными воевать по различным, но параллельным причинам. “В Англии мы верим в святость трактатов; если мы позволим нарушать хоть один там, где действует наше оружие, все здание рухнет. Европа существует на основе договоров, а малые государства обязаны им своим существованием”⁸⁶.

Таким образом, британское правительство снимало с себя ответственность за развязывание империалистической войны; с точки зрения Англии эта война представлялась справедливой. Выступление Грея заставило многих англичан, в том числе и радикалов-либералов, пересмотреть свою позицию и встать на сторону права. В итоге раскола в парламенте и в правящей партии не произошло.

До конца своих дней Грей думал о том, что он мог еще сделать, чтобы предотвратить Первую мировую войну. “Я не могу успокоиться и не думать, какие действия я еще не предпринял, чтобы остановить войну. Я задаюсь вопросом: Можно ли обладать еще большей мудростью и большим даром предвидения, чтобы предотвратить войну?”⁸⁷.

⁸² BD, v. 11, № 367, Grey to Berti, 31.VII.1914, p. 226–227.

⁸³ Fisher F. War of Illusion: German Politics from 1911–1914. New York, 1975, p. 137–138.

⁸⁴ Международные отношения эпохи империализма, с. 549–550.

⁸⁵ Trevelyan G.M. Op. cit., p. 159.

⁸⁶ Международные отношения эпохи империализма, с. 551–552.

⁸⁷ Trevelyan G.M. Op. cit., p. 273.

Многолетняя напряженная работа подрывала его здоровье, резко ухудшилось зрение. Окулист Грея советовал уйти ему в отставку, чтобы хотя бы частично сохранить зрение. Грей старался не читать и не писать более двух часов в день. Во время войны политическое влияние Грея и его здоровье слабело, что и стало причиной его отставки в декабре 1916 г., когда новое коалиционное правительство возглавил Ллойд Джордж, с которым у Грея были политические и личные разногласия.

После ухода в отставку Грей не занимал видных постов на государственной службе, но живо реагировал на события международной жизни, давая им подчас довольно точные оценки. Не перестав быть “либерал-империалистом”, он предостерегал против интервенционистского курса Ллойд Джорджа в отношении Советской России; в июне 1920 г. он назвал такую политику роковой ошибкой⁸⁸.

Грея продолжала занимать идея создания Лиги Наций; ее пропаганде он отдавал много времени. Грей отверг предложение Ллойд Джорджа и Керзона занять пост посла в Вашингтоне, но согласился выехать в американскую столицу со специальной правительственной миссией сроком на 3 месяца. Цель миссии состояла в согласовании с США внешней политики Англии и ее доминионов; в обсуждении проекта устава Лиги Наций; в решении острых вопросов англо-американского морского соперничества. Однако миссия не удалась.

В 1922 г. Грей женился на Памеле Теннант, вдове барона Гленконнера, с которой и провел последние годы жизни. В 1929 г. Болдуин предложил Грею войти в состав правительства, но тот отказался, объяснив это тем, что послевоенное правление Ллойд Джорджа сломало общественную жизнь Англии и лишило страну доверия за рубежом⁸⁹.

Свои переживания и чувства Грей, в старости, как и в юности, любил выражать в литературной форме. В центре его творчества была природа, наслаждение которой он считал высшим благом для человека. Грея до глубины души огорчало, что большинство людей не знают о возможностях получать радость жизни от общения с природой, что они разрушают наследие будущих поколений, уходя от естественного мира природы и Бога в искусственный мир машин, живя в больших городах, теряют связь с деревней. Ужасы современной войны он считал логическим следствием техногенной цивилизации, результатом господства “машинного разума”⁹⁰.

7 сентября 1933 г. Грей умер. Его прах в родовом имении Фаллодон покоится под деревьями рядом с прахом его первой жены Дороти.

⁸⁸ *Robbis K.* Op. cit., p. 356.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 360.

⁹⁰ *Trevelyan G.M.* Op. cit. p. 341.